

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [FYHOZL](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.7](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Глобализм и суверенизм в дискуссиях на многосторонних международных переговорах (на примере Конвенции ООН против киберпреступности)

Болгов Радомир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 rbolgov@yandex.ru

Аннотация

Введение. По мере распространения проблемы киберпреступности по всему миру, в контексте конфликтной динамики между ведущими державами, государства все чаще расходятся во мнениях по таким вопросам, как демократия, права человека, безопасность, национальные интересы и т. д. Конвенция ООН против киберпреступности, инициированная Россией и подписанная в октябре 2025 года, является первым примером создания глобальной нормативной базы в области информационной безопасности. Цель данного исследования – определить механизмы достижения компромисса в глобальном регулировании киберпреступности, несмотря на противоположные позиции государств-членов ООН, представляющих как либерально-глобалистский, так и суверенистский подходы.

Методы и материалы. На первом этапе было проведено тематическое кодирование стенограмм вступительных заявлений государств-членов ООН. На втором этапе был закодирован текст проекта Конвенции, после чего был проведен поиск маркеров, специфичных для либерального глобализма и суверенизма, на основе экспертных оценок шести преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета. Цель заключалась в определении того, относятся ли определенные ключевые понятия к либерализму/глобализму или суверенизму. На третьем этапе были изучены тексты обсуждений предлагаемых поправок.

Результаты. Выявлено, что в ходе обсуждений ни одно государство не присоединилось к группе стран, представляющих противоположный подход. Несмотря на это, нормативная двусмысленность, допуская широкое толкование положений документа, помогла избежать столкновения непримиримых позиций. Исследование подтвердило, что влиятельные субъекты, как правило, гораздо более заметны и оставляют больше дискурсивных следов, тогда как страны, чья радикальная позиция не находит значительной международной поддержки, часто выступают за существенные изменения.

Обсуждение и заключение. Предложенный в данной статье подход может быть адаптирован к различным ситуациям международных переговоров для понимания того, как государства преодолевают разногласия и достигают компромиссов.

Ключевые слова: политический дискурс; дискуссия; международные переговоры; Организация Объединенных Наций; киберпреступность

Для цитирования: Болгов Р.В. Глобализм и суверенизм в дискуссиях на многосторонних международных переговорах (на примере Конвенции ООН против киберпреступности) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 106–115. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.7>. EDN: FYHOZL.

© Болгов Р.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Globalism and Sovereignism in Multilateral International Negotiations (a Case of the United Nations Convention against Cybercrime)

Radomir V. Bolgov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 rbolgov@yandex.ru

Abstract

Introduction. As the cybercrime issue spreads globally, in the light of conflict dynamics between leading powers, states increasingly disagree on issues such as democracy, human rights, security, national interests, etc. The UN Convention against Cybercrime, initiated by Russia and signed in October 2025, is the first example of a global normative framework for information security. The purpose of this study is to identify mechanisms for achieving compromise in global cybercrime regulation, despite the opposing positions of the UN member states representing both liberal globalist and sovereigntist approaches.

Methods and Materials. In the first stage, thematic coding of the transcripts of opening statements by UN member states was conducted. In the second stage, the text of the draft Convention was coded, followed by a search for markers specific to liberal globalism and sovereigntism, based on expert assessments by six faculty members of St. Petersburg State University. The objective was to determine whether certain key concepts relate to liberal globalism or sovereigntism. In the third stage, the texts of the discussions on the proposed amendments were examined.

Results. The study revealed that during the discussions, no state joined the group of countries representing the opposite approach. Despite this, the normative ambiguity, by allowing for a broad interpretation of the document's provisions, helped avoid a clash of irreconcilable positions. The study also confirmed that influential actors tend to be much more visible and leave a greater discursive footprint, while countries whose radical positions lack significant international support often advocate for significant changes.

Discussion and Conclusion. The approach proposed in this article can be adapted to various international negotiation situations to understand how states overcome differences and reach compromises.

Keywords: Political Discourse; Debate; International Negotiations; United Nations; Cybercrime

For citation: Bolgov, R.V. Globalism and Sovereignism in Multilateral International Negotiations (a Case of the United Nations Convention against Cybercrime). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 106–115. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.7>. EDN: FYHOZL.

© Bolgov, R.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Тематика регулирования киберпреступности в последнее время прочно утвердилась в глобальной повестке дня, учитывая непредсказуемые последствия для таких областей, как демократия, права человека, безопасность, суверенитет и т.д. [1]. Наиболее значительные попытки международного регулирования кибербезопасности предпринимаются в рамках международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и ее специализированные учреждения, в частности, Международный союз электросвязи. Кроме того, следует упомянуть такие организации, как Совет Европы, Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества, а также неформальные переговорные платформы, такие как G7 и БРИКС.

В то же время существующая конфликтная динамика в отношениях между ведущими державами [2] не дает оснований для оптимизма в отношении достижения глобальных соглашений [3]. Ведущие державы, видя трудности достижения такого рода соглашений на своих условиях, пытаются осуществлять регулирование вне международных платформ. В этом контексте Конвенция ООН против киберпреступности как инструмент установления международных стандартов стала одним из первых примеров глобального регулирования кибербезопасности. С 2017 года государства-члены ООН вели переговоры об общей структуре соглашения. При этом в научных и экспертных кругах данная проблематика обсуждалась еще как минимум за 10 лет до этого [4].

В 2019 году Генеральная Ассамблея приняла его в качестве резолюции 74/247. Был создан Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, который начал процесс разработки и переговоров. На этом этапе переговоров государствам с либеральной ориентацией удавалось продвигать свою повестку, в частности, такие аспекты, как защита прав человека и гендерного равенства. Однако государства, ориентированные на суверенизм¹, стали успешнее продвигать свою тематику, делая упор на защиту суверенитета и безопасности, что вызывало критику со стороны государств, придерживающихся либерально-глобалистского подхода [5]. Несмотря на напряженные переговоры, государства приняли соглашение на Генеральной Ассамблее ООН в Ханое, (Вьетнам), в декабре 2024 г.

С нормативной точки зрения, несмотря на «не имеющий юридических обязательств» характер документа, сложность переговоров объясняется тем, что государства осознают, что это «мягкое право» в сфере регулирования киберпреступности. Это может привести к «жестким» нормативным обязательствам, которые создают глобальный прецедент и требуют соблюдения со стороны государств [6]. В ходе переговоров ни одно государство принципиально не изменило свою первоначальную позицию и не присоединилось к группе стран, представлявших противоположный подход. Напротив, все государства стояли на своем до последнего момента, и, несмотря на это, они пришли к компромиссу по данному вопросу. Это

¹ Суверенизм – политическая идеология, выступающая за полный суверенитет, политическую независимость нации с целью защиты национальных интересов, экономики и культуры от внешнего влияния. Она противопоставляется глобализму и наднациональным структурам.

стало возможным благодаря наличию в итоговом документе ряда сложных и многозначных формулировок.

Р. Саква рассматривает такие подходы, как либеральный интернационализм, который в настоящее время ассоциируется с Соединенными Штатами и их союзниками, и консервативный (суверенный) интернационализм, который ассоциируется с Россией, Китаем и их союзниками в рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС [7]. Консервативная интернационалистская модель подчеркивает суверенное принятие решений национальными государствами, но также признает важность интернационализма, включая приверженность институтам ООН. Каждый из этих подходов имеет свою логику, но в различных моментах их нормативные принципы пересекаются друг с другом. Это позволяет выявлять как спорные моменты, так и области согласия, например, в защите многосторонних институтов глобального управления или в борьбе с изменением климата. Соответственно, это говорит о том, что международная система сегодня не столько хаотична, сколько находится «в процессе перехода от ранее гегемонистской структуры к более плюралистической, в которой может быть признана нормативная значимость других» [7, р. 8]. Однако до тех пор, пока один миропорядок не только претендует на универсальность, но и борется за сохранение своего первенства, хаос будет усиливаться.

Цель данного исследования – определить механизмы достижения компромисса в глобальном регулировании киберпреступности, несмотря на противоположные позиции государств-членов ООН, представляющих как либерально-глобалистский, так и суверенистский подходы. Разрыв в понимании проблемы, целей и средств выявляет различные многозначные механизмы, который мы, следуя В. Пульо и Ж.-Ф. Терьену [8], а также Ф. Коста-Буранелли [9], называем многозначными компромиссами, в рамках которых участники могут интерпретировать результаты переговоров в желаемом направлении. Этот подход проиллюстрирован в Таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Исследовательская концепция ценностей В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена
V. Pouleau and J.-P. Therrien's Research Concept of Values

	Раскол в ценностях	Многозначные компромиссы
Какова проблема?	Плохое управление против системного неравенства	Глобальные меры реагирования на глобальные вызовы недостаточны
Какова цель?	Глобальное управление должно быть более эффективным и демократичным	Необходимо укреплять международное сотрудничество и верховенство права
Каким образом?	Тонкая настройка и структурная реформа многосторонней системы	Принципы Устава ООН должны соблюдаться

Источник: [8]

Как пишут В. Пульо и Ж.-Ф. Терьен, самая большая сложность в анализе ценностей заключается в организации разрозненных политических заявлений в ограниченный набор ценностей. Лучшее решение здесь – действовать индуктивно,

читая множество материалов из широкого круга источников до тех пор, пока не начнут проявляться сходства [8].

Глобальная политика неизменно строится вокруг противостояния нормативных позиций. В качестве примера приводятся межправительственные переговоры о приоритете суверенитета над демократией [8]. Важно отметить, что на глобальном уровне ценности не просто многочисленны или разнообразны – они также по своей природе конфликтны, а это означает, что их защита часто приводит к интенсивным дебатам и политическим столкновениям. Таким образом, глобальное управление, построенное на основе случайного сочетания ценностей, понимаемых как публично обсуждаемые политические идеалы данной группы людей, всегда является продуктом конкурирующих идеологий и принимает форму масштабных лоскутных одеял [8].

Мы согласны с подходом В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена, согласно которому при анализе дискуссии о ценностях следует уделять равное внимание как доминирующим, так и более слабым участникам, с особым акцентом на отвергнутые идеи [8]. Такой подход позволяет концептуализировать и эмпирически проиллюстрировать многосторонние переговоры для достижения компромисса.

Согласно подходу, представленному в рамках прагматической социологии [10], для объяснения нормативных компромиссов в многосторонних переговорах необходимо выявить элементы нормативности в повседневной деятельности участников. Этот подход позволяет концептуализировать и эмпирически проиллюстрировать практики многосторонних переговоров, направленные на достижение компромисса. Кроме того, этот подход предлагает два механизма достижения компромисса. Первый механизм – это объединение различных нормативных позиций в рамках согласованного текста. Второй механизм – нормативный двусмысленность, т.е. придание спорным понятиям и терминам двусмысленности, что позволяет различным участникам переговорного процесса интерпретировать эти термины таким образом, чтобы это было приемлемо для каждой из сторон.

Исследовательский подход

Мы не утверждаем существование идеального типа либерально-глобалистской и суверенистической позиции в отношении регулирования киберпреступности, а скорее обобщаем эмпирический материал в соответствии с предложенной ниже методологией. При проведении численной оценки примеров единиц анализа, упомянутых в рассматриваемых текстах, следуя подходу, предложенному Н. Трегубовым [11], автор привлек к работе шесть экспертов-преподавателей Санкт-Петербургского университета. Цель заключалась в определении того, к какому подходу относятся определенные ключевые понятия – к либерализму/глобализму или суверенизму. В результате было получено шесть независимых экспертных оценок всех случаев использования субъектами соответствующих единиц анализа. 11 из 13 полученных коэффициентов корреляции превысили 0,6, что свидетельствует об удовлетворительном уровне консенсуса среди экспертов относительно оценки.

На первом этапе было проведено тематическое кодирование стенограмм вступительных заявлений государств-членов ООН. На втором этапе был закодирован текст проекта Конвенции, после чего на основе экспертных оценок был проведен

поиск маркеров, специфичных для либерального глобализма и суверенизма. На третьем этапе были изучены тексты обсуждений предлагаемых поправок.

Результаты

Большинство государств, как это часто бывает во вступительных заявлениях, подтвердили свою общую поддержку документа, указав лишь на незначительные различия в позициях. Общая критика проекта текста присутствовала лишь в заявлениях Ирана и Российской Федерации, но они также подали сигнал о готовности вести переговоры.

Первый общий момент обоих подходов заключается в том, что государства согласны, что появление киберпреступности требует защиты общих благ и возможностей для их получения. Либеральные позиции (Норвегия и Германия) были сосредоточены на защите индивидуальной свободы и угрозы неприкосновенности частной жизни. В свою очередь, суверенистские позиции (Россия) также подчеркивали важность защиты, но с упором на безопасность, автономию и суверенитет. В то же время государства, представляющие различные подходы (например, Нидерланды), подчеркивали, что преимущества сотрудничества в борьбе с киберпреступностью носят универсальный характер, поскольку способствуют реализации глобальной повестки дня в области устойчивого развития.

Второй общий момент заключается в том, что представители обоих подходов подчеркивали сообщество, но они понимали это по-разному. С либеральной точки зрения, сообщество – это человечество в целом. Более суверенистские позиции сосредоточены на сообществах, созданных вокруг государств и культур.

В-третьих, оба подхода делают акцент на этических ценностях. Либералы утверждают, что обсуждение должно быть сосредоточено на глобальных ценностях, а не на конкретике, и поэтому стремятся к глобальному консенсусу, основанному на минимальной этической системе, приемлемой для всего человечества, поскольку права человека универсальны (Швейцария). Однако сторонники суверенистского подхода не пренебрегают разработкой универсального подхода, но отмечают, что реагирование на киберпреступность требует учета местного контекста, уравновешенного международными нормами (Катар).

В-четвертых, представители обоих подходов определили дискриминацию и неравенство как недостатки, которые необходимо устранить. Государства, ориентированные на либерализм, подчеркнули приоритет продвижения гендерного равенства (Австрия). Однако государства, ориентированные на суверенитет, отмечали, что сексуальная ориентация и гендер являются спорными темами для государств-членов ООН, и что представления о них глубоко укоренены в национальных культурах (Алжир).

Проект Конвенции был подготовлен во время консультаций на заседание Специального комитета. Данный текст был отредактирован после получения комментариев от государств.

Общие данные об использовании ключевых понятий, относящихся к суверенитету и либеральному глобализму, в тексте проекта Конвенции представлены в Таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

**Ключевые понятия суверенизма и либерального глобализма,
представленные в проекте Конвенции***

Key Concepts of Sovereignism and Liberal Globalism Presented in the Draft Convention

Суверенизм	Количество упоминаний
Нация/Государство	65
Суверенитет	55
Безопасность	24
Партикуляризм	3
Национальное право	27
Либеральный глобализм	
Многосторонность	55
Универсальный	21
Глобальный	24
Мир	18
Человек права	63
Гендерное равенство	7
Конфиденциальность	22
Свобода	14

*составлено автором

С точки зрения структуры, контент-анализ проекта Конвенции показывает, как ключевые концепции, соответствующие либеральному и суверенистскому подходу, отражены в этом тексте. «Нация/государство» и «права человека» являются наиболее употребляемыми терминами. Проект документа допускал гибкую интерпретацию, объединяя универсальную систему ценностей, принципов и действий, призванную направлять государства в разработке соответствующих документов, политики или других инструментов, касающихся киберпреступности, без ущерба для существующего международного права.

На заключительном этапе переговоров состоялось интенсивное обсуждение поправок. Переговоры по проекту, проходившие в 2024 году, включали последовательное обсуждение каждого параграфа документа. Неизмененные пункты были одобрены без обсуждения, но в большинстве случаев предложенные поправки обсуждались. Для облегчения обсуждения государствам-членам было предложено представить поправки в Секретариат, который должен был рассмотреть их поправки к заявлениям на пленарном заседании. Представитель Секретариата зачитывал параграф с предложенными поправками, и Председатель запрашивал любые возражения, прежде чем подтвердить. Если возникали возражения против поправки, начиналось обсуждение. В общей сложности государства предложили около 500 поправок к проекту текста. Анализ наиболее спорных вопросов в ходе переговоров показывает, что исход обсуждения/принятия каждой поправки зависел от степени ее многозначности. Например, включение двух слов в первый параграф («всеобъемлющий», «многокультурный»), демонстрирующих как уважение к различным культурам, так и универсальность, было принято, поскольку различные государства признали это соответствующим принципам многогранности и учета особенностей. Представитель Германии пояснил: «Это важно для нас, даже если на

первый взгляд в этом нет содержания, но концепция мультикультурализма соответствует терминологии, используемой ООН».

В ходе этой дискуссии 12 государств приняли участие в коллективной разработке текста с целью его приведения к универсальному применению. Предложение Великобритании заменить в тексте «субъекты киберпреступности» на «государства-члены» было оспорено, поскольку Бразилия, Иран, Египет и Куба утверждали, что обязательства в отношении прав человека должны быть универсальными и не ограничиваться государствами-членами. Поэтому, для достижения компромисса группа стран (Германия, Польша и Мексика) предложила включить в текст как «субъекты киберпреступлений», так и «государства-члены», что допускает более широкое толкование, но также подчеркивает уникальную роль государств.

Что касается отклоненных поправок, в частности, Иран выдвинул ряд оговорок, которые поставили под сомнение проект документа, но они были отклонены. Некоторые поправки предусматривали включение отсылки к национальному законодательству о данных, а также добавление пункта об «экстерриториальном воздействии» в отношении частных компаний, действующих на международной арене; исключение из терминологии «защиты осведомителей», «гендерного разнообразия» и «приоритета прав человека».

Заключение

Принятие Конвенции стало первым примером глобального регулирования киберпреступности за последние годы. Несмотря на ее необязательный характер, документ был принят после интенсивных обсуждений и многочисленных поправок. Был достигнут компромисс, отражающий как либерально-глобалистские, так и суверенистские позиции. Нормативная двусмысленность, допускающая широкое толкование положений документа, помогла избежать столкновения непримиримых позиций. Теоретически, данное исследование подтвердило концепцию многозначных компромиссов [8]. Разрывы в ценностях выявляют различные двусмысленные механизмы. Достигнув подобия консенсуса по какому-либо вопросу, государства имеют возможность интерпретировать конечный результат этого процесса принятия решений по своему усмотрению. В то же время такая двусмысленность может привести к избирательному применению положений. Пример, рассмотренный в исследовании, демонстрирует потенциал «мягкого права», но переход к консенсусному «жесткому» глобальному регулированию в настоящее время представляется сложным. Время покажет, действительно ли этот глобальный документ приведет к появлению универсальной нормативной базы. До сих пор существует немного подобных успешных примеров достижения глобального компромисса. Гораздо больше примеров отсутствия консенсуса по ключевым вопросам международной повестки дня, в том числе касающимся регулирования информационно-коммуникационных технологий [12].

Исследование также подтвердило идеи В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена о том, что влиятельные игроки, как правило, гораздо более заметны и оставляют больше дискурсивных следов (США, Китай, Россия), в то время как страны, чья радикальная позиция не находит значительной международной поддержки (например, Иран), часто

выступают за существенные изменения [8]. Однако наша работа не подтвердила их наблюдение о том, что проекты соглашений или коммюнике содержат фрагменты, которые впоследствии исключаются из итогового документа, что еще раз указывает на то, что окончательный результат представляет собой триумф одной позиции над рядом отвергнутых вариантов.

Предложенный в данной статье подход может быть адаптирован к различным ситуациям международных переговоров для понимания того, как государства преодолевают разногласия и достигают компромиссов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Feldstein, S. *The Rise of Digital Repression. How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 336 p.
2. Bolgov, R., Chernov, I., Ivannikov, I., Katsy D. Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev) // *Communications in Computer and Information Science*. 947. Springer, Cham, 2019. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.
3. Болгов Р.В. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 1. P. 59–69. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10004>. EDN: YTJNWX.
4. Vogel, J. Towards a Global Convention against Cybercrime // *First World Conference of Penal Law. Penal Law in the XXIst Century*. 18–23 November 2007. Guadalajara (Mexico). [эл. доступ]. URL: <https://www.penal.org/wp-content/uploads/2025/09/Guadalajara-Vogel.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Tropina, T. ‘This is Not a Human Rights Convention!’: The Perils of Overlooking Human Rights in the UN Cybercrime Treaty // *Journal of Cyber Policy*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. P. 200–220. <https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2419517>.
6. Shelton, D. *Soft Law* // *Routledge Handbook of International Law*. Edited by David Armstrong. London and New York: Routledge, 2008. P. 68–80.
7. Sakwa, R. The International System and Models of Global Order // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 8–31. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>. EDN: IAOQMO.
8. Pouliot, V., Thérien, J.-P. *Global Policymaking: The Patchwork of Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 280 p.
9. Costa-Buranelli, F. “Do you Know What I Mean?” “Not exactly”: English School, Global International Society and the Polysemy of Institutions // *Global Discourse. An interdisciplinary journal of current affairs*. 2015. Vol. 5. Iss. 3. P. 499–514. <https://doi.org/10.1080/23269995.2015.1053195>.
10. Boltanski, L., Thévenot, L. *On Justification: Economies of Worth*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 400 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1zm2tzm>.
11. Трегубов Н.А. Артикуляция представлений о политической модернизации в риторике В.В. Путина и Д.А. Медведева: попытка сравнительного контент-анализа // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2010. № 3 (11). С. 69–81. EDN: LNOTWO.
12. Bolgov, R., Filatova, O., Yag'ya, V. The United Nations and Russian Initiatives on International Information Security // *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*. P. 31–38.

REFERENCES

1. Feldstein, S. *The Rise of Digital Repression. How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 336 p.
2. Bolgov, R., Chernov, I., Ivannikov, I., Katsy D. Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev). *Communications in Computer and Information Science*. 947. Springer, Cham, 2019. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.

3. Bolgov, R.V. UN Activities in the Field of Information and International Aspects of Information Security in Russia. *Comparative Politics*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 59–69. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10004>. EDN: YTJNWX.
4. Vogel, J. Towards a Global Convention against Cybercrime. *First World Conference of Penal Law. Penal Law in the XXIst Century*. 18–23 November 2007. Guadalajara (Mexico). Available at <https://www.penal.org/wp-content/uploads/2025/09/Guadalajara-Vogel.pdf> (accessed: 20.04.2026).
5. Tropina, T. ‘This is Not a Human Rights Convention!’: The Perils of Overlooking Human Rights in the UN Cybercrime Treaty. *Journal of Cyber Policy*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. P. 200–220. <https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2419517>.
6. Shelton, D. Soft Law. *Routledge Handbook of International Law*. Edited by David Armstrong. London and New York: Routledge, 2008. P. 68–80.
7. Sakwa, R. The International System and Models of Global Order. *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 8–31. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>. EDN: IAOQMO.
8. Pouliot, V., Thérien, J.-P. Global Policymaking: The Patchwork of Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 280 p.
9. Costa-Buranelli, F. “Do you Know What I Mean?” “Not exactly”: English School, Global International Society and the Polysemy of Institutions. *Global Discourse. An Interdisciplinary Journal of Current Affairs*. 2015. Vol. 5. Iss. 3. P. 499–514. <https://doi.org/10.1080/23269995.2015.1053195>.
10. Boltanski, L., Thévenot, L. On Justification: Economies of Worth. Princeton: Princeton University Press, 2006. 400 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1zm2tzm>.
11. Tregubov, N.A. Artikulyatsiya predstavleniy o politicheskoy modernizatsii v ritorike V.V. Putina i D.A. Medvedeva: popytka sravnitel'nogo kontent-analiza [Articulation of Ideas about Political Modernization in the Rhetoric of V.V. Putin and D.A. Medvedev: An Attempt at Comparative Content Analysis]. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2010. No. 3 (11). P. 69–81. (In Russian). EDN: LNOTWO.
12. Bolgov, R., Filatova, O., Yag'ya, V. The United Nations and Russian Initiatives on International Information Security. *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*. P. 31–38.

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of World Politics Department, Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026.

Одобрена после рецензирования 21.04.2026.

Принята 21.04.2026.

Received 20.04.2026.

Approved after reviewing 21.04.2026.

Accepted 21.04.2026.